

ее брат собирается отдать замуж за герцога Октавио. "Ему всего семьдесят два года", – иронично замечает невеста поневоле.

Ее появление в жизни Дон Жуана – это и судьба, и попытка уйти от судьбы. Донья Анна сообщает при своем появлении, что она представительница "...всей нашей школы. Мы бросили жребий – выпал мне" [6, с. 203]. И вот она получает письмо от великого обольстителя (на самом деле письмо написал Лепорелло) и стремится упасть в его объятия, потому что это, во-первых, престижно ("Хочу любить его и хочу, чтобы все знали, что он любил меня") [6, с. 205]; во-вторых, ей нужен скандал ("После этого семидесятидвулетний жених сразу от меня откажется!" [6, с. 205]). Кажется, перед нами довольно развязная девушка, без особых моральных принципов. Если к этому прибавить, что Лепорелло характеризует ее как "наипервейшую красавицу Испании", то перед нами предстает образ избалованной красоти. Но в глазах Дон Жуана она жертва общества. Она – сестра его друга, она – невеста старика, она – воспитанница католического монастыря, она – образованна, умна и прекрасна.

"Да ты взгляни на неё: такая беззащитная, так доверчиво идущая на всё", – говорит он Лепорелло [6, с. 208]. Дон Жуан очарован, но ему не нужна легкая победа, он мечтает о вечной любви, первой любви в своей жизни.

Внешняя развязность доньи Анны – это отчаянное желание быть свободной от окружающих. Она любит в Дон Жуане не человека, даже не красивого мужчину. Он для нее – лакмусовая бумажка ее потенциальных возможностей.

Блестящие сцены, в которых сначала Лепорелло пытается совратить Анну, а потом Анна – Дона Жуана, – смешны и трагичны одновременно. И слуга, и донья Анна в этот момент просто добиваются своей разовой цели. И там, и там цена победы – престиж. Если они победят, то это будет тот случай, о котором можно помнить всю жизнь, но который уже не повторится.

Разум доньи Анны уже проснулся, но еще спит ее сердце. Мечты уже есть, а личность еще только рождается. Но именно эту рождающуюся личность и разглядывал Дон Жуан в 18-летней красавице. Его резюме по поводу их несостоявшейся любви звучит в его устах так: "Ты могла навсегда зачеркнуть мое прошлое, став настоящим и будущим... Ты собиралась провести со мной краткий миг любви, так и не поняв, что способна быть всей моей жизнью..." [6, с. 238].

Главный герой пьесы – Дон Жуан. Герой, которого Фигейредо делает положительно прекрасным человеком. Автор из Бразилии как бы предлагает поверить, что то, что ищет в Дон Жуане каждая женщина, может существовать на самом деле. Может где-то есть мечтатель, романтик, честный, храбрый, порядочный человек без намека на пошлость и аморализм. Не соблазнитель, не герой, а человек. Не мужчина, который хвалится своими победами над женщинами, не прекрасный рассказчик, не тот, кто покупает любовь подарками, а просто человек, который ждет свой идеал.

Дон Жуану в пьесе около 30 лет. Но сердце его не тронула ни одна из красавиц. И поэтому он не то чтобы равнодушен к женщинам, он просто еще не влюблялся. Вся его скандальная слава строится на пиар-компании, которую создает вокруг его имени слуга. Но в отличие от Лепорелло, Дон Жуан прекрасно

осознает свои достоинства и недостатки. Он не готов бороться за женщину, к которой равнодушен, а как бороться за свою любовь, он еще не знает. Он достаточно честно заявляет, что не умеет писать письма, не сочиняет сонетов, не дарит женщинам цветов. Он не желает общаться с пустыми и пошлыми красавицами. Его идеал он прошепчет заснувшей донье Анне, в которой он впервые увидел возможное будущее своей жизни: "Я люблю женщин, которые не умеют покорять мужчин, зато могут вязать носки и варить вишневое варенье. Хочу, чтобы женщина встречала меня в переднике, обнимала и шептала, что на ужин будет мороженое. Мне нравится, чтобы женщина сторала от стыда, когда я говорю, что у неё красивая грудь. И чтобы в минуту блаженства на глазах у неё появлялись слёзы..." [6, с. 206].

Донья Анна покорила Дон Жуана, но его все-таки очень интересует вопрос, умеет ли она готовить вишневое варенье.

У Фигейредо Дон Жуан не демоническая личность и уж тем более не со-вратитель, он человек, мечтающий найти свою единственную и неповторимую в мире, где все говорят, что такое невозможно.

Самоубийство командора поставило крест на отношениях доньи Анны и Дон Жуана. Комедийное действие перерастает в трагедию человеческой глупости, непонимания истинных ценностей этого мира. Романтический герой, сражающийся с обиденной пошлостью, вдруг превращается в героя классицистической трагедии. Он, как Родриго из "Сида" П. Корнеля, не может связать свою жизнь с любимой, потому что "убил" ее родственника.

Правда, Корнель в своей трагикомедии воссоединяет все же своих героев: на помощь драматургу и его персонажам приходит чувство долга, которое важнее всех других чувств в эстетике классицизма. А у Фигейредо, несмотря на то, что Дон Жуан никого не убивал, слухи не дадут ему возможности быть счастливым со своей избранницей. Ибо мечте Дон Жуана о свободном выборе в любви противостоит другая сила: сила людской зависти и ненависти ко всему, выбивающемуся из ряда. Пророчество доньи Исавель: "Ничего не выйдет! Он может принадлежать кому угодно, но только не тебе!.. Нигде и никогда: ни во дворце, ни в жалкой лачуге не дадут пристанища убийце и сестре убитого. Вас будут гнать, как шелудивых псов! Возникнет сила, которая не позволит вам быть вместе – сила людской ненависти!.." [6, с. 239], – не является истинной в последней инстанции, но заставляет слышать в финале произведения трагические ноты.

Это интересная интерпретация, дающая повод и посмеяться, и задуматься о коллизиях любовных отношений не только в Испании средних веков, но и в наше время. Автор пьесы превратил Дон Жуана в порядочного человека, снял с него демоническую маску, разрушил традиционную репутацию соблазнителя.

Хотелось бы надеяться, что пьеса будет чаще ставиться в российских театрах, получит свою театральную историю. Пока же постановки не отличаются особой яркостью и значимостью. Гильерме Фигейредо и его Дон Жуану еще предстоит получить признание в нашей стране.

#### Библиографический список

1. Амаду Ж. *Каботажное плавание. Наброски воспоминаний, которые не будут написаны никогда*. Москва: АСТ, Астрель, Полиграфиздат, 2010.
2. Кржевский Б.А. Об образе Дон-Жуана у Пушкина, Мольера и Тирсо де Молины. *Статьи о зарубежной литературе*. Москва, 1960: 208 – 215.
3. Нусинов И.М. История образа Дон Жуана. *История литературного героя*. Москва, 1958: 325 – 441.
4. Бордонов Ж. *Мольер*. Москва: Искусство, 1983.
5. Томашевский Н. Вчера и сегодня латиноамериканского театра. *Пьесы писателей Латинской Америки*. Москва: Искусство, 1970: 608 – 620.
6. Фигейредо Г. Дон Жуан. *Пьесы писателей Латинской Америки*. Москва: Искусство, 1970: 183 – 246.

#### References

1. Amadu Zh. *Kabotazhnoe plavan'e. Nabroski vospominanij, kotorye ne budut napisany nikogda*. Moskva: ACT, Astrel', Poligrafizdat, 2010.
2. Krzhevskij B.A. Ob obraze Don-Zhuana u Pushkina, Mol'era i Tirso de Moliny. *Stat'i o zarubezhnoj literature*. Moskva, 1960: 208 – 215.
3. Nusinov I.M. Istoriya obraza Don Zhuana. *Istoriya literaturnogo geroya*. Moskva, 1958: 325 – 441.
4. Bordonov Zh. *Mol'er*. Moskva: Iskuststvo, 1983.
5. Tomashevskij N. Vchera i segodnya latinoamerikanskogo teatra. *P'esy pisatelej Latinskoj Ameriki*. Moskva: Iskuststvo, 1970: 608 – 620.
6. Figejredo G. Don Zhuana. *P'esy pisatelej Latinskoj Ameriki*. Moskva: Iskuststvo, 1970: 183 – 246.

Статья поступила в редакцию 20.03.20

УДК 811.161.1

**Shishlova I. Yu.**, postgraduate, Department of Russian Language and Methods of Teaching, Ivanovo State University (Ivanovo, Russia),  
E-mail: shishlova@gmail.com

**PHRASEOLOGY IN THE ACADEMIC TEXT.** The article deals with issues of the scope and functional characteristics of phraseological units in the academic texts. The relevance of the research is connected with the need to explore the possibility of using idiomatic phraseology in different types of texts apart from journalistic and fiction works. A short literature review identifies the main areas in which the phraseology of academic speech has been studied and differentiates the study of special and general phraseology. The main part of the article shows idiomatic and proverbial expressions collected from the academic works of Russian philologists and describes lexical, grammatical and stylistic features of idioms. The possibility of transformed use of phraseological units in different types of texts is confirmed, while it is also noted that the same methods of transformation that are used in the other types of texts can be found within the academic works as well. In conclusion the further prospect of a more detailed study of the specifics of the usage of phraseological units in the academic style of speech is indicated.

**Key words:** phraseological unit, idiom, academic style of speech, phraseology of academic writing, transformation of phraseological unit.

И.Ю. Шишлова, аспирант, Ивановский государственный университет, г. Иваново, E-mail: shishlovai@gmail.com

## ФРАЗЕОЛОГИЯ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся состава и особенностей функционирования фразеологизмов в собственно научном тексте. Актуальность работы связывается с необходимостью исследования возможностей употребления идиоматической фразеологии в разных типах текстов, помимо публицистических и художественных. В кратком обзоре литературы определяются направления, по которым исследовалась фразеология научной речи, разграничивается изучение фразеологии специальной и общеязыковой. В основной части рассматриваются идиоматические и пословично-поговорочные выражения, собранные на материале научных работ отечественных филологов, приводятся данные о соотношении разговорных и книжных фразеологизмов. Подтверждается возможность трансформированного использования фразеологических единиц в научных текстах, при этом прослеживаются те же приемы и способы преобразования, которые встречаются и в других типах текстов. В заключение обозначается перспектива более детального исследования специфики употребления фразеологизмов в научном стиле речи.

**Ключевые слова:** фразеологизм, идиома, научный стиль, фразеология научного стиля, трансформация фразеологической единицы.

Фразеология научного стиля является актуальной для исследования темой, так как имеющиеся на данный момент сведения о свойствах фразеологической единицы получены преимущественно на материале художественной, публицистической и разговорной речи. Вопрос об использовании фразеологии в научном стиле оказывается открытым. Исследователи в разное время обращались к отдельным аспектам данного вопроса: так, рассматривались особенности функционирования фразеологических единиц в научно-популярных текстах [1, 2], в жанре научной статьи [3], в научных работах отдельного автора [4] и в устном научном дискурсе [5, 6].

В зарубежной лингвистике фразеология научного стиля рассматривается только в прикладном аспекте. В вышедшей в 1996 г. монографии П. Ховарта «Phraseology in English Academic Writing» [7] была поставлена проблема освоения иностранными студентами крупного пласта функционирующих в научных текстах устойчивых единиц, ограниченных в сочетаемости (т.н. «restricted collocations», соотносимые с фразеологическими сочетаниями, в терминологии В.В. Виноградова). Умение опознавать и правильно употреблять такие единицы является необходимым при изучении иностранного языка для специальных целей (LSP). Соответственно, задача исследователя сводилась к разработке корпуса устойчивых единиц, наиболее востребованных научным текстом, и к совершенствованию методик освоения этих единиц. В том же направлении продолжают работать зарубежные исследователи и по сей день [8, 9], оставляя в стороне вопрос об употреблении в научной речи идиоматических единиц.

Ряд отечественных исследователей придерживаются мнения, что использование идиоматической фразеологии с её семантической целостностью, экспрессивностью и яркой функционально-стилистической окраской противоречит требованиям точности и объективности, предъявляемым к научному тексту. Следовательно, употребление таких единиц в строго научном стиле нежелательно и даже противопоказано. Под фразеологией научного стиля при таком подходе понимаются устойчивые сочетания нефразеологического характера (*то есть, по словам, в особенности, в частности, иметь в виду*), фразеологизированные средства организации связности научного текста (*таким образом, из сказанного следует..., с одной стороны..., во-первых, во-вторых*), так называемые «терминологические фразеологизмы» (*магнитный анализатор, тяжелые металлы, глухой согласный*) и даже наиболее повторяемые свободные сочетания слов (*научное исследование, активно развиваться, проведение анализа*) [10, с. 151; 11, с. 266 – 268]. При этом наличие в научных текстах определенного количества собственно фразеологизмов обычно объясняется межстилевым взаимодействием, влиянием разговорного или научно-популярного дискурса, стилистическим вкусом отдельного автора или эпохи в целом [1, 12]. Очевидно, что при таком подходе внимание ученых нацелено на характеристику текстов, в которых употребляются фразеологические единицы, а не на сами единицы. Фразеологизмы рассматриваются только как стилистическое средство (с точки зрения жанра, индивидуального стиля автора и т.п.). Отсюда и возникает противопоставление, с одной стороны, *фразеологии научного стиля* как набора клише и сочетаний терминологического характера и, с другой стороны, так называемой *общеязыковой фразеологии*, которая в широком смысле включает в себя идиоматические выражения и устойчивые фразы (пословицы, поговорки, крылатые выражения). Случаи использования общеязыковой фразеологии рассматриваются как редкие исключения и отступления от требований научного стиля.

Обозначенные направления в изучении фразеологии научных текстов можно условно разделить на прикладное и стилистическое. Для данных направлений важным становится изучение стандартизированных сочетаний, свойственных научному стилю речи. Собственно фразеология или идиоматика языка рассматривается только как выразительное средство, чем обусловлено внимание исследователей к отдельным типам текстов. Между тем фразеологию в научном тексте можно рассматривать для характеристики самой фразеологической единицы как отдельной единицы языка. Такой подход позволит углубить наши представления о фразеологической единице и о возможностях ее употребления в разных текстах.

В данной статье мы ставим себе целью определить состав и особенности употребления фразеологических единиц в строго академическом (научно-теоретическом) тексте. Соответственно, в первую очередь требуется ответить на вопросы: **какие** типы фразеологических единиц могут употребляться в научном

тексте, и **как** они могут употребляться. В качестве источников для сбора материала привлекались образцовые с точки зрения нормы тексты отечественных филологов 1918 – 2018 гг. При отборе текстов учитывались: теоретическая значимость (работы, которые используются в качестве базы в современных исследованиях); авторитетность (широкое использование в научном обиходе); жанровое разнообразие (монографии, сборники научных статей, материалы научных конференций); разнообразие тематики текстов (разные области исследований, разные звенья языковой системы).

Обзор литературы подводит к мысли, что наиболее спорным является вопрос о функционировании в научных текстах идиоматических выражений (*фразеологические сращения и единства*, по классификации В.В. Виноградова), а также устойчивых фраз, соотносимых в семантико-грамматическом плане с высказываниями (*фразеологические выражения*, по классификации Н.М. Шанского). Анализ собранного материала показывает, что все названные типы могут употребляться в собственно научных текстах. Приведем некоторые примеры на каждый тип.

**Идиоматические выражения:** *брать в свои руки, бросаться в глаза, всплыть на поверхность, выйти на арену, горячая точка, то и дело, заходить в тупик, краеугольный камень, куда ни шло, лакмусовая бумажка, набить оскомину, навести справки, принять эстафету, сваливать в одну кучу, ставить знаки равенства, тарабарская грамота*. Например: *Идея человеческой памяти, запечатленной в географических названиях, то и дело возникает в тексте в глагольных <...> предложениях* (Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса); *Нельзя искусственно расчленять и обесценивать наш живой, богатый и гибкий литературный язык и в то же время сваливать в одну кучу разные явления* (Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка); *Возможно, нынешний век в своем исходе примет эстафету века минувшего* (Григорьева Т.М. Русская орфография в посттоталитарный период).

Идиоматические выражения могут характеризоваться по целому ряду параметров. Первоначально необходимо определить лексико-грамматические свойства фразеологизмов и выяснить, насколько их стилистическая окраска соответствует научной речи. Наш анализ показал следующее.

С точки зрения **лексико-грамматической характеристики** оказывается, что в научных текстах представлены фразеологические единицы, относящиеся к следующим разрядам: **именные** – *азбучная истина, горячая точка, зерно истины, краеугольный камень, лакмусовая бумажка, ничейная земля, отправной пункт, палочка-выручалочка, пальма первенства, подводные камни, тень угрозы, удельный вес, уязвимое место*; **глагольные** – *бить тревогу, вносить вклад, выбросить за борт, зайти в тупик, играть роль, оставаться в тени, поднимать на щит, пойти на убыль, пропустить мимо ушей, пропустить сквозь призму, сойти с арены, стирать границы, уйти в небытие*; **адвербиальные** – *волею или неволею, время от времени, от доски до доски, между небом и землей, окольными путями, из первых рук, до поры до времени, на пустом месте, раз и навсегда, сплошь и рядом, по ходу дела*; **местоименные** – *какой бы то ни было*; **предикативно-оценочные** – *(не) к месту*; **междометные** – *знай наших, подумай только*. Ведущими разрядами здесь оказываются именной, глагольный и адвербиальный, что вполне закономерно: это самые крупные разряды, к которым принадлежат более половины всех существующих фразеологизмов [13, с. 13]. Остальные лексико-грамматические разряды в самом языке представлены сравнительно небольшим числом единиц.

Обращаясь далее к **функционально-стилевой характеристике** фразеологизмов, важно выяснить соотношение между разговорными единицами и книжными. Из общего количества фразеологических единиц, собранных в ходе исследования, 56,67 % составляют разговорные фразеологизмы (*азбучная истина, бить тревогу, оставаться в тени, всплыть на поверхность, выбросить за борт, держаться на ниточке, злоба дня, капля в море, ловить на слове, набить оскомину, пропустить мимо ушей, сбрасывать со счетов, сваливать в одну кучу, сплошь и рядом, тарабарская грамота и др.*); 43,33 % фразеологизмов приводятся с пометой «книжное» (*кладывает в уста, вносит вклад, возводит в абсолют, выйти из-под пера, дар слова, зерно истины, кануть в вечность, лакмусовая бумажка, отдавать дань, пальма первенства, повернуть колесо истории, поднимать на щит, порочный круг, предавать забвению, сквозь призму смотреть, стереть с лица земли, уйти в небытие и др.*). Очевидно преобла-

дание фразеологизмов с разговорной пометой, но они же в целом преобладают и в языке. Так, А.И. Молотков во вступительной статье к «Фразеологическому словарю русского языка» (1968 г.) отмечал, что «в массе своей фразеологизмы – явление разговорной речи. Поэтому они могут быть стилистически охарактеризованы как разговорные фразеологизмы. Их трудно отграничить от стилистически нейтральных фразеологизмов, которые употребляются в различных стилях речи, в том числе и в разговорной речи» [14, с. 20]. Неслучайно составители словаря предпочли не сопровождать пометами разговорные и стилистически нейтральные единицы, объединив их в одну группу и противопоставив книжным. Уже по материалам словаря можно судить о том, насколько эта группа количественно превосходит книжные фразеологизмы. Однако в нашем материале книжные фразеологические единицы также достаточно частотны. Вероятно, в этом отражаются особенности самого научного стиля с его по большей части письменной формой существования.

Особым вопросом является употребление в научных текстах устойчивых фраз, которые включают в себя пословично-поговорочные и крылатые выражения. В отличие от идиоматических выражений, такие единицы достаточно автономны, так как представляют собой законченное предложение. Приведем некоторые примеры. **Пословицы:** *Философия переводческого мышления Швейцера отражена в его трудах и небольшой книге мемуарных очерков «Глазами переводчика», к которой применима русская пословица «Мал золотник, да дорог»* (Власенко С.В. Переводческий дискурс на рубеже веков); **поговорки:** *Однако с точки зрения читателя картина представляется иной: читатель считает, что предложенный ему текст <...> единственно возможный – «из песни слова не выкинешь».* Замена в тексте того или иного слова дает для него не вариант содержания, а новое содержание Лотман (Ю.М. Структура художественного текста); **крылатые изречения:** *Я знаю, что «лучшее – враг хорошего», но вопрос о фонетическом алфавите, не являясь вопросом принципиальным, требует более, чем какой-нибудь другой, длительных обсуждений и взаимных уступок <...>* (Щерба Л.В. К вопросу о транскрипции).

Итак, относительно состава можно заключить, что в текстах, принадлежащих к научному стилю, вполне естественно употребляются разные типы как идиоматических выражений, так и устойчивых фраз.

Обратимся далее к вопросу о возможности преобразованного употребления фразеологизмов в научной речи. Способность к трансформации или варьированию является «естественным и необходимым» свойством фразеологизмов, «общей зоной соприкосновения и взаимопроникновения» между идиоматическими единицами и устойчивыми фразами [15, с. 145]. В научных текстах мы находим те же приемы и способы трансформации, что были описаны авторами словаря «Фразеологизмы в русской речи» [16, с. 18–32] на материале художественных и публицистических произведений. Преимущественно это преобразования, которые авторы словаря определяют как стандартные, например:

Субстантивация (переход глагольного компонента фразеологической единицы в именной): наводить справки → наведение справок. *Алфавитное расположение слов, удобное для практического пользования при наведении справок,*

*ограничивало соположенность однокоренных лексем, поскольку рядом оказывались лишь некоторые однокоренные суффиксальные образования* (Биржакова Е.Э. Русская лексикография XVIII века). Конверсия ситуации: заходить в тупик → заводить в тупик. *Так, понятный метафизически и идеалистически тезис о смысловой взаимосвязанности <...> слов иногда заводил буржуазных языковедов в тупик* (Виноградов В.В. К истории лексики русского литературного языка). Переход утвердительных форм в отрицательные: имеющие уши, да услышит → имеющие уши, не слышат. *Слова поэта нередко остаются загадочными, потому что «имеющие уши, чтобы слышать, – не слышат» и потому, что не всегда совпадает с языком поэт* (Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя).

Среди структурно-семантических преобразований фразеологических единиц можно выделить примеры расширения и, наоборот, сокращения компонентного состава. Расширение: пробный камень → пробный *лексикографический* камень. *На основе концепции семантического анализа фразеологизмов и был создан словарь «Фразеологизмы в русской речи» <...>, ставший для авторов, с одной стороны, пробным лексикографическим камнем их теоретического подхода к фразеологической единице, а с другой же, – по принципу обратной связи, немало давший нам для уточнения и развития предлагаемой в книге концепции* (Мелерович А.М., Мокиенко В.М., Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка). Сокращение компонентного состава: бросать / бросить камешки в чей огород → камешки в огород. *Здесь мы не будем рассматривать нюансы, связанные с присутствием лица, на которое указывают, поскольку тут возможны «камешки в его огород»* (Занаворова А.В. Прозвища и обращения в семейном речевом общении).

Таким образом, в научных текстах, как и в текстах, принадлежащих к другим функциональным стилям, фразеологизмы могут употребляться в трансформированном виде. Способы преобразований совпадают с представленными в словаре.

Подводя итог сказанному, можно еще раз подчеркнуть, что клишированные сочетания и собственно фразеологические единицы представляют разные стороны исследования фразеологии научной речи с разными целями и задачами. Стандартизированные сочетания, составляющие специальную фразеологию, являются неотъемлемой частью научного стиля речи, и потому они вполне оправданно попадают в поле зрения исследователей. Однако и общезыковая фразеология, включая идиоматические выражения и устойчивые фразы, может употребляться в научных текстах. Наши наблюдения над текстами разных жанров со всей очевидностью показывают, что такое употребление совершенно естественно. Употребление фразеологии в научных текстах частично отражает ее употребление в языке в целом, что подтверждается соотношением между лексико-грамматическими разрядами и способами трансформированного использования фразеологических единиц. Тем не менее несомненным является и то, что специфика самого научного текста не может не отражаться на выборе фразеологических единиц, которые авторы вводят в свои тексты. В этом аспекте фразеология должна изучаться более детально.

#### Библиографический список

1. Кравцов С.М. *Функционально-семантический анализ фразеологии в научно-популярном тексте*. Диссертация ... кандидата филологических наук. Ленинград, 1990.
2. Смолина Л.В. Эмоционально-оценочные фразеологизмы в объективации физических реалий во французском научно-популярном дискурсе. *Вестник ЧелГУ*. 2013; № 14: 71 – 76.
3. Воробьева Т.А. Функционирование фразеологических единиц в собственно научной статье. *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2013; №4: 68–71.
4. Сокур И.О. Лексико-стилистическое своеобразие фразеологизмов в научном тексте. *Компаративные исследования славянских языков и литератур. Памяти академика Леонида Булаховского*. 2010; № 12: 174 – 178.
5. Кравченко Е.В. *Идиоматическая фразеология в устной форме английской научной речи*. Диссертация ... кандидата филологических наук. Москва, 1992.
6. Simpson R., Dushyanthi M. A Corpus-Based Study of Idioms in Academic Speech. *TESOL Quarterly*. 2003; Vol. 37, № 3: 419 – 441.
7. Howarth P.A. *Phraseology in English academic writing: some implications for language learning and dictionary making*. Tübingen: Niemeyer, 1996.
8. Silva E., Ottoliano A.O., Babini M. Identification of the most common phraseological units in the English language in academic texts: contributions coming from corpora Acta Scientiarum. *Language and Culture*. 2017; Vol. 39, № 4: 345 – 353.
9. Granger S. Academic phraseology: A key ingredient in successful L2 academic literacy. *Academic Language in a Nordic Setting: Linguistic and Educational Perspectives*. Oslo Studies in Language. 2017; № 9: 9 – 27.
10. Гусева О.Н. Фразеология научной и деловой речи. *Труды БГТУ*. Серия 5: Политология, философия, история, филология. 2014; № 5: 150 – 152.
11. Нгуен Тхи Ле, Владимирова Т.Л. Особенности фразеологии научного стиля (на материале текстов в сфере неразрушающего контроля). *Коммуникативные аспекты языка и культуры: сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых*, 21 – 23 мая, Томск: ТПУ, 2014: 264 – 268.
12. Буре Н.А., Быстрых М.В., Вишнякова С.А. *Основы научной речи: учебное пособие для студентов высших учебных заведений*. Санкт-Петербург, 2003.
13. Хуснутдинов А.А. *Лексико-грамматическая характеристика фразеологических единиц русского языка*. Иваново, 1993.
14. Молотков А.И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания. *Фразеологический словарь русского языка*. Москва, 1968: 7 – 22.
15. Бондаренко В.Т. *Варьирование устойчивых фраз в русской речи: учебное пособие по спецкурсу*. Тула: Издательство Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого, 1995.
16. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. *Фразеологизмы в русской речи. Словарь*. Москва: Русские словари, 1997.

#### References

1. Kravcov S.M. *Funkcional'no-semanticheskij analiz frazeologii v nauchno-populyarnom tekste*. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Leningrad, 1990.
2. Smolina L.V. 'Emocional'no-ocenocnyye frazeologizmy v ob'ektivacii fizicheskikh realij vo francuzskom nauchno-populyarnom diskurse. *Vestnik ChelGU*. 2013; № 14: 71 – 76.
3. Vorob'eva T.A. Funkcionirovaniye frazeologicheskikh edinic v sobstvenno nauchnoj stat'e. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013; №4: 68-71.
4. Sokur I.O. Leksiko-stilisticheskoe svoeobrazie frazeologizmov v nauchnom tekste. *Komparativnyye issledovaniya slavyanskikh yazykov i literatur. Pamyati akademika Leonida Bulahovskogo*. 2010; № 12: 174 – 178.
5. Kravchenko E.V. *Idiomaticheskaya frazeologiya v ustnoj forme anglijskoj nauchnoj rechi*. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva, 1992.
6. Simpson R., Dushyanthi M. A Corpus-Based Study of Idioms in Academic Speech. *TESOL Quarterly*. 2003; Vol. 37, № 3: 419 – 441.
7. Howarth P.A. *Phraseology in English academic writing: some implications for language learning and dictionary making*. Tübingen: Niemeyer, 1996.



8. Silva E., Ottaiano A.O., Babini M. Identification of the most common phraseological units in the English language in academic texts: contributions coming from corpora *Acta Scientiarum. Language and Culture*. 2017; Vol. 39, № 4: 345 – 353.
9. Granger S. Academic phraseology: A key ingredient in successful L2 academic literacy. *Academic Language in a Nordic Setting: Linguistic and Educational Perspectives*. Oslo *Studies in Language*. 2017; № 9: 9 – 27.
10. Guseva O.N. Frazеologiya nauchnoj i delovoj rechi. *Trudy BGTU*. Seriya 5: Politologiya, filosofiya, istoriya, filologiya. 2014; № 5: 150 – 152.
11. Nguen Thi Le, Vladimirova T.L. Osobennosti frazeologii nauchnogo stilya (na materiale tekstov v sfere nerazrushayushchego kontrolya). *Kommunikativnye aspekty yazyka i kul'tury: sbornik materialov XIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov i molodykh uchenykh*, 21 – 23 maya, Tomsk: TPU, 2014: 264 – 268.
12. Bure N.A., Bystrykh M.V., Vishnyakova S.A. *Osnovy nauchnoj rechi: uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenij*. Sankt-Peterburg, 2003.
13. Husnutdinov A.A. *Leksiko-grammaticheskaya harakteristika frazeologicheskikh edinic russkogo yazyka*. Ivanovo, 1993.
14. Molotkov A.I. Frazеologizmy russkogo yazyka i principy ih leksikograficheskogo opisaniya. *Frazеologicheskij slovar' russkogo yazyka*. Moskva, 1968: 7 – 22.
15. Bondarenko V.T. *Var'irovanie ustojchivyh fraz v russkoj rechi: uchebnoe posobie po spekursu*. Tula: Izdatel'stvo Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni L.N. Tolstogo, 1995.
16. Meleroich A.M., Mokienco V.M. *Frazеologizmy v russkoj rechi. Slovar'*. Moskva: Russkie slovari, 1997.

Статья поступила в редакцию 20.03.20

УДК 821.111

**Naimchuk O.S.**, Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (N. Novgorod, Russia), E-mail: hylida@list.ru

**THE THEME OF A GAME OF GODS IN THE WORKS OF MICHAEL MOORCOCK.** The paper analyzes the theme of a game of gods in the work of M. Moorcock, a key representative of the British New Wave of science fiction. The sources of ideas about the game of higher powers are traced, which was declared back in the era of Antiquity, and in the following centuries did not lose its relevance. It is concluded that the theme of playing deities is cross-cutting in the works of M. Moorcock and, while maintaining the idea of the struggle of the forces of Good and Evil, declared in the fantasy genre, the theme of the cosmic game of Order and Chaos begins to appear clearly, and they play not only among themselves, but and with people (or other races) who are conceptualized as pieces on the game board.

**Key words:** game, M. Moorcock, Eternal Champion, Order and Chaos.

**О.С. Наумчик**, канд. филол. наук, доц., Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, E-mail: hylida@list.ru

## ТЕМА ИГРЫ БОГОВ В ТВОРЧЕСТВЕ МАЙКЛА МУРКОКА

В данной статье анализируется тема игры богов в творчестве М. Муркока, ключевого представителя британской новой волны фантастической литературы. Прослеживаются истоки представлений об игре высших сил, которая была заявлена еще в эпоху Античности, а в последующие столетия не утратила своей актуальности. Делается вывод о том, что тема играющих божеств является сквозной в творчестве М. Муркока и при сохранении идеи борьбы сил Добра и Зла, заявленной в жанре фэнтези, начинает отчетливо проявляться тема космической игры Порядка и Хаоса, причем играют они не только между собой, но и с людьми (или иными живыми существами), которые осмысляются как фигуры на игровой доске.

**Ключевые слова:** игра, М. Муркок, Вечный воитель, Порядок и Хаос.

Ранние попытки осмыслить феномен игры были предприняты еще в эпоху Античности, и именно тогда философы заговорили о том, что существование человека зависит от игры богов, что и сам он является игрушкой или фигурой на игровом поле: Гераклит упоминал об «игре Вечности», а Платон писал, что «надо жить, играя» [1, с. 615], да и сам человек в понимании мыслителя – всего лишь «какая-то выдуманная игрушка бога» [1, с. 615], созданная то ли для забавы, то ли с какой-то серьезной целью, о которой, тем не менее, людям ничего неизвестно. Подобные идеи обнаруживаются и у Платона, и у Лукиана, а особенно у Плотина, который в трактате «О промисле» [2] представляет жизнь людей и само мироздание подобным театральному действию, спланированному космическим драматургом, а потому актер (человек) не может выйти за пределы авторского текста и уготованной ему роли.

Анализируя античную культуру, А.А. Тахо-Годи говорила о том, что «игра мировых сил – естественное состояние универсума» [3, с. 434], а по словам А.Ф. Лосева, «злой мировой хаос, сам себя порождающий и сам себя поглощающий, есть в сущности только милые и невинные забавы ребенка, не имеющего представления о том, что такое хаос, зло и смерть» [4, с. 393]. Таким образом, мы видим, что попытка осмыслить понятие игры в античной философии выявила двойственность самого мироздания, ведь оно обнаруживает в себе как беззаботную, подобную детской забаве игру мировых стихий, так и продуманную, тщательно спланированную и скрытую от людей игру богов, вершащих судьбы человечества.

Что важно, размышления об игре богов не потеряли своей актуальности и в дальнейшем, ведь, следуя мысли Гераклита об играющей Вечности (или Эоне), Ф. Ницше весь мир понимает как игровое поле богов: «земля есть стол богов, дрожащий от новых творческих слов и от шума игральных костей» [5, с. 216], а в XX веке Ж. Делёз намечает, но не развивает подробно мысль о том, что «Эон – идеальный игрок или игра» [6, с. 219], хотя тот же Э. Финк, например, был убежден в том, что игра – это часть лишь человеческого существования, а бог играть не может, как не может играть и животное [7].

Тема игры богов присутствует уже в мифологии, а в литературе проявляет себя прежде всего в жанре фэнтези, так как концепция глобального противостояния сил Добра и Зла в принципе характерна для фэнтезийной литературы, однако лишь с 1960 – 70-х годов она начинает осмысляться через призму игры, так как меняются ориентиры и в философии, и в мировоззрении в целом, а в литературе фэнтези все чаще появляется мысль о том, что суть мироздания не в победе одной из сторон, а в вечной борьбе и равновесии противоположных начал, которые теперь уже осмысляются не как глобальное Добро и Зло, а в большей степени как Порядок и Хаос. Более того, актуализируется представление о том, что люди

не более чем фигуры на игровом поле высших сил, их переставляют и сталкивают во имя некой цели, о которой сами представители человечества имеют лишь смутное представление.

Фантастическая литература 1960 – 70-х годов обычно ассоциируется с новой волной (New Wave), которая формируется в Великобритании и США и характеризуется отступлением от исключительно научной проблематики, что была характерна для Золотого века научной фантастики (1930 – 50-е годы), а также размыванием жанровых границ между научной фантастикой и фэнтези, изменением тематического поля, активным использованием и переосмыслением литературно-мифологического наследия предшествующих эпох, что является визитной карточкой фэнтези, а не научной фантастики. В английской литературе центральным представителем новой волны являлся Майкл Муркок (Michael John Moorcock, р. 1939), в период с 1964-го до 1971-го года редактировавший журнал «Новые миры» (New Worlds), в котором и была опубликована большая часть произведений британской новой волны. Именно в творчестве М. Муркока мы видим показательное обращение к теме игры не только божественных сил, но игры вообще, а его Вечный Воитель во всех своих инкарнациях в той или иной степени становится игрушкой высших сил.

Образ Вечного Воителя, принесший М. Муркоку славу, появляется в ранней повести 1962 года, позднее переработанной в одноименный роман (The Eternal Champion, 1970), ставший отправной точкой для цикла «Хроники Эрекозе» (Chronicles of Erekoze). Уже в этом произведении Эрекозе, волею судеб перенесенный из своего мира, где он носил имя Джона Дейкера, в совершенно чуждую ему вселенную, понимает, что вынужден играть некую роль, определенную людьми, призвавшими его в другое измерение, и говорит: «Я уже согласился играть эту роль и должен доиграть спектакль до конца» [8, с. 33]. В этом романе М. Муркок не выходит за пределы осознания человеческой жизни как некоего спектакля, в котором люди зависят от навязанных им социальных ролей, и не говорит об игре богов или иных высших сил. Эрекозе понимает, что у него нет выбора, он обязан «играть роль Великого Героя, Защитника Человечества» [8, с. 61] в войне с элдранами, раса которых отчасти напоминает фэнтезийных эльфов, каноничные образы которых были созданы Дж. Р.Р. Толкином, однако эта роль обусловлена межрасовой войной, которая, кстати, тоже осмысляется через категорию игры. Любопытно, что Иоллинда, первая возлюбленная Эрекозе, как раз и навязавшая ему роль «Защитника Человечества», не способна думать о герое иначе, нежели об игрушке. И хотя сам Эрекозе, предав людей и переметнувшись к элдранам, обретает свободу, Иоллинда все равно называет его игрушкой, только уже не своей: «Здравствуйте, элдраны! Здравствуй и ты, их любимец, их игрушка в человечьем обличье!» [8, с. 103].